

методология, опыт эмпирического исследования». / редакционная коллегия: Грунт Е.В., Кораблева Г.Б., Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Старшинова А.В. – Екатеринбург, УрФУ, 2015. – С. 1707–1712.

УДК 303.01

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Тимощук Алексей Станиславович,

*профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВЮИ ФСИН РФ,
д.филос.н., доцент, +79209017880, 600020, г. Владимир, ул. Усти-на-Лабе, 2-*

36

**ETHNOCONFESSIONAL DIVERSITY AND EDUCATION POLICY
IN RUSSIAN FEDERATION**

Timoschuk Alexey Stanislavovich,

chair of humanities Vladimir Institute of Law FSIN, professor, PhD

АННОТАЦИЯ

Какими инструментами обладает рыночная демократия для снятия социальной напряжённости? Какое место образование и право занимают в управлении этноконфессиональной неоднородностью? Как предотвратить силовое обострение отношений? Ожидалось, что конфликты на почве различия религии и национальности в потребительском обществе сойдут на нет. Однако этноконфессиональная идентичность оказалась сильнее потребительских ценностей и её проявление заставили вновь говорить о столкновении цивилизаций. Какова социодинамика России в этом процессе? Откуда мы идём, какой социальный порядок создаём и какой образ будущего транслируем? Автор развивает идею, почему секуляризм и мультикультурализм ещё не исчерпали себя как социальный идеал.

ABSTRACT

What tools market democracy has to relieve social tensions? What can education and human rights ideology do to direct ethnic and religious heterogeneity? How not to prevent the escalation of social conflicts? It was expected that conflicts over religion and nationality differences in the consumer society will be dissolved. The good news (?) is that ethno-confessional identity is stronger than consumer values and its manifestations brought again to the agenda the talk over the clash of civilizations. What is Russian sociodynamics in this process? Where do we go, what social order do we construct and what is our vision of the future? The author develops the idea why secularism and multiculturalism have not yet exhausted itself as a social ideal.

Ключевые слова Мультикультурализм, секуляризм, десекуляризация, социальная неоднородность, светское образование, этноконфессиональная безопасность, единство в многообразии

Keywords Multiculturalism, secularism, desecularisation, social heterogeneity, secular education, ethnoconfessional security, unity in diversity

Летом 2011 г. Европу всколыхнул беспрецедентный акт насилия: гражданин Норвегии А. Брейвик сначала совершил взрыв в государственном здании, который привёл к гибели 8 людей, а затем застрелил 69 участников молодёжного рабочего конгресса. Так террорист выступил против социальных программ правящей партии по поддержке иммигрантов. Себя Брейвик представлял крестоносцем, борцом с исламом. Норвежцы посчитали событие самой крупной после II Мировой войны национальной трагедией. Более 200 тысяч горожан, одна треть всех жителей столицы, сплочённые ценностями открытости и толерантности, принесли цветы к главному собору Осло. Напротив, когда полиция вела преступника, толпа скандировала Брейвику «гори в аду».

Не следует думать, что у норвежского террориста нет союзников. Европейских антиисламистов беспокоит формирование параллельного

общества, не разделяющего традиционные для Европы ценности и мировоззрение; они полагают, что идеи Брейвика лишь защищают христианскую культуру. Правые выступают за сохранение культурной идентичности Европы; в частности, их волнует то, что минареты самой большой в Германии мечети будут соперничать со шпилями Кёльнского собора.

Жители Кёльна в 2008 и 2009 опротестовали антиисламские выступления правых партий Германии, Франции, Италии и Бельгии. «Если Вы не за ислам, значит, Вы за Гитлера» – под такими лозунгами встретили конгресс жители Кёльна, опасющиеся исламофобии. Ведь преследование евреев в Европе продолжалось из-за недостатка протестов.

Есть умеренные алармисты, которые, в целом, не против ислама, но полагают, что мусульмане Европы должны адаптироваться, а именно: 1) мечети не должны быть больших размеров и минареты на должны использоваться для созыва верующих, 2) иммигранты должны владеть местными языками, 3) женщинам-мусульманкам следует принять европейский тип коммуникации, который подразумевает открытость лица и контакт глазами с собеседником, не ношение чадры, паранджи, хиджаба 4) разделение светского кода коммуникации, который допускает ироничное отношение к религии (история с карикатурами на Пророка). При всей скандальности антиисламского конгресса такие ожидания разделяют около трети европейцев. Очевидно, что для социального мира, обе стороны должны услышать друг друга и принять симметричные обязательства; при этом государство и образование могут выступать как партнёры и посредники по установлению политики терпимости и знания Другого. Европа стоит перед проблемой, как пополнить убывающее население за счёт трудовых мигрантов и при этом передать им не только качество жизни в виде материальных удобств, но и нематериальные ценности, которые последние, похоже, не собираются принимать? Аналогичная проблема встала и перед Россией, которая помимо европейского противоречия «труда и капитала» имеет ещё и

давнюю и нерешённую (неразрешимую?) проблему (возможность?) этноконфессиональной неоднородности.

В этом смысле Российская Федерация представляет особый интерес как уникальная страна в европейской ойкумене по межконфессиональному разнообразию. В истории государства можно выделить три вида этноконфессиональной идентичности. Первый, византийский лик России, наиболее отчётливо проступает к периоду правления Петра I и развеивается в дыму сражений Первой мировой войны. Ценностной осью национальной идеи «Москва – третий Рим» является православие. В Российской империи деление по национальному признаку уступало признаку деления по вероисповеданию. Людей различали на православных и неправославных, на крещёных и не крещёных. А. Ю. Бендин предложил следующие существенные характеристики конфессионально-этнической политики российского государства до 1905 г.:

- патерналистский характер монархии по отношению к религиозным общинам;
- привилегированный статус Православной Церкви;
- административное и уголовное принуждение для защиты интересов Православной Церкви
- законодательное запрещение прозелитизма для всех религиозных общин, за исключением Православной Церкви;
- наследственный характер религиозно-этнической принадлежности всех подданных государства³.

Единообразия через вероисповедание не снимало напряжённости между разными социальными классами, обозначились локальные этнические конфликтогенные зоны (Кавказ, Польша, Украина).

На смену византийской идентичности пришёл образ Красной России, с характерными для него социализмом и исторической ролью пролетариата. В

---

³ Бендин А. Ю. Религиозные права личности в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Свеча – 2005. Истоки: религия и личность в прошлом и настоящем. Том 13. Москва-Владимир, 2005. С. 65-66.

Советском Союзе этнический вопрос подвергся нивелировке через идею интернационализма: все граждане СССР – братья одной большой многонациональной семьи. Коммунистическая идеология диктовала наднациональную внерелигиозную социальную однородность. Однако и при таком «идеальном» режиме национальный вопрос не исчез сам собой. Пример – межнациональные конфликты в Нагорном Карабахе, Крыму, Средней Азии. Оказалось, что некоторые нации лучше адаптируются и в рамках социализма, строят свои кланы. Партийный лифт переносил представителей разных наций ближе к тёплым местам, а вслед за лучшими сыновьям и дочерью разных наций перебирались и их этнические протезы.

Перестроечный принцип самоопределения наций обнажил бедноту интернационализма, за фасадом которого крылся протекционизм. Этноконфессиональная идентичность обрела неведомую до этого субстанциональность. Однако В.В. Путин пресёк попытки некоторых радикальных политиков разыграть карту национализма и поставил под контроль молодёжные национал-патриотические движения.

Сегодня мы являемся свидетелями и участниками формирования некоей новой идентичности, параметры которой не являются чёткими. Скорее можно утверждать, что новый лик России наследует из первого образа идею сильной мировой державы, из второго – установку на социальное государство. Особым мотивом сегодняшней национальной идеи выступает тема единства. Государствообразующая партия стремится реализовать этот принцип в своих документах, заявлениях и даже праздниках.

Усилия по снятию межэтнической напряжённости через принцип «единство в многообразии» нельзя переоценить. Из проводимых опросов студентов автор почерпнул, что около 40 % не знают, есть ли в России буддисты, где находится Калмыкия, Бурятия, Тыва. Неудивительно, что в многонациональным государстве можно пострадать от побоев скинхедов или

быть задержанным полицией за этнический вид⁴. Порядка 30 % студентов не могут указать регионы распространения ислама в России. Нежелание знать Другое привело в своё время к межнациональным обострениям в республиках Советского Союза – «мы изучаем историю России, а они не хотят знать нашу историю». Так после распада СССР появилось 15 локальных исторических дискурсов.

В свою очередь, этноконфессиональным диаспорам, следует быть адаптивными, гибкими, скромными; работать со своим подрастающим поколением, пресекать у них высокомерие, заносчивость. В условиях взаимоуважения и равного отношения со стороны администрации и правоохранительных органов, конфликтов в Кондопоге, Краснодаре, Пугачёве, Москве, Арзамасе можно было бы избежать.

В целях этноконфессиональной безопасности следует изучать в школе не конкретные религии, а преподавать предмет «Народы и религии России» где необходимо найти место большим и малым этноконфессиональным общностям России. Так, например, протестанты обычно не попадают в традиционные конфессии, хотя их вклад в развитие российской государственности трудно переоценить, ведь это лютеранские общины стали источником специалистов и технической революции XVII–XVIII в. в России. Последователи всех больших и малых этноконфессиональных сообществ являются россиянами, создают совокупный национальный продукт. Поэтому даже о малых религиях и народах нужно дать небольшую справку, чтобы никто не преследовался из-за невежества.

Обычно необходимость моноконфессиональной опоры государства объясняют воспитательной лакуной в российском обществе. Стремление переложить на церковь нравственное воспитание может привести к обратным результатам. Нравственность, носителем которой является религия, носит

---

⁴ Глава Бурятии попросил губернатора Орловской области разобраться с избиением спортсменки // <http://www.sports.ru/others/2870665.html> ; В Питере скандал с национальным оттенком: жителя Тывы не признают гражданином РФ // <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-79810/>

весьма специфический характер. Если она навязывается, то имеет место обратный эффект. Другое дело секулярная нравственность, которая имеет место в случае воспитания правом. Это общеобязательная нравственность, отчуждение от которой грозит асоциальным поведением, поэтому российская государственность должна быть основана на светском гуманизме.

В исторической перспективе светский гуманизм представляет собой объективированную христианскую нравственность, и он лучше всего на данном этапе подходит в качестве государственной нравственной платформы. Поскольку религиозная нравственность носит конфессионально-конкретный характер, государственная идеология должна быть максимально надконфессиональной и универсальной. Этим требованиям может отвечать только право в своей воспитательной функции и светское религиоведение как представляющее адекватный ответ гражданского общества на многообразие интенций религиозного сознания.

Термин «секуляризм» происходит от древнеримского «*ludi saeculares*» – праздник конца столетия. Когда мы сегодня проводим опросы в России и оказывается, что среди православных более 79 % выбирают Новый год как любимый праздник, то это сопоставимо с первичным временным смыслом античного секуляризма. Сегодня, однако, это понятие имеет и другие, более важные значения: 1) неклерикальный, мирской, 2) нейтральный, отстранённый, безразличный к религии, 3) лаицистский, т.е. неприемлющий религиозность как психологическое нездоровье и предполагающий активные действия по освобождению общества от влияния религии (А. Невзоров).

Говоря о безопасности государства, для нас важно такое понимание секуляризма, согласно которому правительство, государство, суды, прокуратура, образование, источники права и прочие публичные институты должны сохранять нейтралитет по отношению к религиозной вере и этническим интересам; при этом в обществе отсутствует принуждение к религиозному вероисповеданию со стороны государства и церквей.

В этом смысле очень важным является развитие светской науки в целом и религиоведения в частности. Религиоведы сегодня представляют малочисленную, но очень важную специальность. Конфессиональный крен в образовании может способствовать только дестабилизации социальной устойчивости в силу своего «комплекса исключительности». Противостоять этому можно через религиоведческое образование граждан, понимание единства и различий Другого. У нас недостаточно светских специалистов в области веры, которая является очень чувствительной сферой духовной жизни общества. Необходимо оказывать поддержку в трудоустройстве религиоведам, которые представляют малочисленную, но очень стратегическую специальность. Именно толерантное светское религиоведение может способствовать укреплению российской государственности.

Недооценка важности светского религиоведения обнаруживается в игнорировании ведущих специалистов-религиоведов России: А. Агаджанян, Е. Аринин, С. Иваненко, А. Забияко, И. Кантеров, М. Одинцов, А. Себенцов, Е. Элбакян, М. Шахнович, И. Яблоков и др. Судя по документам законодательной и административной власти, их редко привлекают в экспертные советы, предпочитая конфессионально ориентированных консультантов.

Политика профилирования отдельных религий и этносов в образовании и праве вызывает обеспокоенность, т.к. это может способствовать акцентуации различий, а не единства.

Не следует бояться секуляризма. Это надёжная платформа государственности. По сравнению с советским прошлым, ныне неизмеримо больше верующих, церквей, духовенства, религиозной литературы, церковных учебных заведений, и в то же самое время нынешняя Россия занимает передовые позиции по тяжким преступлениям, коррупции, самоубийствам, абортам, количеству брошенных детей, социальной

дифференциации и пр. Стало быть, дело не в религии, а в существующих социально-экономических отношениях.

Мало кто спорит, что при советской власти уровень нравственности был намного выше нынешнего, хотя формально, в государственном масштабе, люди жили в условиях безбожия. Нравственность, носителем которой является религия, носит весьма специфический характер. Если она навязывается, то имеет место обратный эффект. Другое дело секулярная нравственность, которая имеет место в случае воспитания правом. Это общеобязательная нравственность, отчуждение от которой грозит асоциальным поведением, поэтому российская государственность должна быть основана на светском гуманизме.

Над отстранённостью государства от религии много рассуждал американский гуманист, просветитель, автор Декларации независимости и Акта религиозной свободы, создатель университета Виргинии Томас Джефферсон. Он писал свои работы в период становления Соединённых штатов Америки, которые отказались от Британского доминиона. Население Нового света состояло из разнородных христианских групп: англикане, пресвитериане, квакеры, пуритане, баптисты. Найдя «землю обетованную» религиозные диссиденты Старого света проводили моноконфессиональную политику для своей секты, притесняя других верующих. Англикане в Вирджинии, пуритане в Массачусетсе издали ряд законодательных актов, запрещающих религиозных собрания других групп; исповедование иных религий наказывалось штрафом, заключением в тюрьму, битьём кнутом. Человек, отрицающий существование Бога или Троицы, или утверждающий, что богов много, лишался права занимать гражданский или военный пост, получать наследство, опекать своих детей. Джефферсон характеризует такие действия как «религиозное рабство» и аргументирует, что право на свободу совести не может быть отчуждено в пользу правителя: «Законодательные власти государства распространяются только на такие действия, которые оскорбляют других. Но меня не оскорбляет, если мой сосед заявит, что

существует двадцать богов или ни одного. Это не задевает мой карман, и от этого у меня не сломается нога»⁵. Поскольку в американском суде принято присягать на Библии, Джефферсон анализирует предубеждение, что на свидетельские показания атеиста (или политеиста) нельзя полагаться. Он приводит аргумент от противного: принуждение делает из человека лицемера, только разум и свободное исследование могут противостоять заблуждению.

Моноконфессиональность является разновидностью единомыслия. Насколько желательно единомыслие, задаётся вопросом Т. Джефферсон: «не больше чем одинаковые лица или рост. Введите тогда прокрустово ложе, и, так как есть опасность, что люди большого роста могут побить маленьких, сделайте всех нас одного роста, обрубив ноги первым и растянув последних»⁶.

Общественно-политический деятель эпохи Просвещения полагает, что различие взглядов полезно в религии. Он ссылается на прецедент штатов Пенсильвании и Нью-Йорка, которые вообще не вводили никакой государственной религии и, по мнению Джефферсона, этот опыт превзошёл все ожидания: «Эти штаты безгранично процветают. Религию хорошо поддерживают различными способами; все они достаточно хороши, вполне достаточны для сохранения мира и порядка; а если создаётся секта, догматы которой и подрывают мораль, то здравый смысл берёт верх и изгоняет их разумом и смехом, не утруждая этим государство...чтобы заставить прекратить религиозные споры, на них не следует обращать внимание»⁷. Видится, что последнее утверждение очень важно для политики светского государства. Нейтралитет государства в религиозных вопросах и объективность в этнических благоприятны для общества, государства и этноконфессиональных групп. Он является залогом формирования

---

⁵ *Джефферсон Т.* Заметки о штате Вирджиния // Американские просветители. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1969. С. 68.

⁶ *Джефферсон Т.* С. 70.

⁷ Там же. С. 70-71.

плюралистичного социального идеала. В то время пока в Европе говорят о кризисе секуляризма (мультикультурализма) и о десекуляризации (возврату к культурному монизму), российский рынок не перенасыщен данными социокультурными продуктами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бендин А. Ю. Религиозные права личности в Российской империи (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Свеча - 2005. Истоки: религия и личность в прошлом и настоящем. Том 13. Москва-Владимир, 2005.
2. Американские просветители. Избр. произв. в 2-х т. М., 1969.

УДК 94 (47) «18/19»

ББК 63.3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ О КИТАЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ)

Титаренко Анастасия Сергеевна,

старший преподаватель

кафедры общественно-научных дисциплин

ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования»

stsovet08@mail.ru

RUSSIAN REPRESENTATION OF THE CHINESE NATIONAL CHARACTER (SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CEN)

Titarenko A.S.,

Senior lecture,

Institute of development of education, Ekaterinburg: ”

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности становления и развития представлений русского общества XIX – начала XX вв. о Китае и его жителях. Целью исследования стал анализ специфики представлений русских